

ЧТО УСТАРЕЛО, А ЧТО ВЫДЕРЖАЛО ПРОВЕРКУ ВРЕМЕНЕМ ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ К.МАРКСА

Рассуждая о том, что прошло и что не прошло проверку временем в социальной доктрине Маркса, я буду иметь в виду **рефлексивную** компоненту этого учения, связанную с **познанием** социальной реальности - попыткой понять собственную логику ее бытия, которая дана субъекту познания принудительно, не зависит от его ценностных предпочтений.

В доктрине Маркса существует иная **валюативная** компонента, которая связана не с познанием, а с **осознанием** социальной реальности, стремлением соотнести ее с потребностями человека и оценить в категориях «желанное - нежеланное», «должное - недолжное», «справедливое - несправедливое» и т.д. В отличие от познания, говорящего на языке суждений истины, осознание мира основывается на суждениях ценности - мотивационных предпочтениях людей, связанных с выбором конечных целей существования в мире.

Валюативная компонента марксова учения выступает как ценностная основа марксистской идеологии¹. В этическом ключе она противоположна меркантилизму и торгашеству, имеет последовательно антибуржуазный характер, если понимать под буржуазностью то, что в «Коммунистическом манифесте» называют «идеологией чистогана», «ледяной водой эгоистического расчета», который основывает связь между людьми на голом прагматическом интересе. Смысл жизни человека Маркс видит не в накоплении и потреблении, а в жертвенном Прометеевском служении общему благу. Счастье Маркс видит в борьбе, а несчастье в подчинении. Валюативная доктрина Маркса имеет последовательно **эгалитарный** характер: на первое место в системе

¹ Эта идеология имеет сложную структуру.

человеческих ценностей она ставит ценности социального **равенства** и социальной **справедливости** и подчиняет им все прочие ценности, в том числе и ценность индивидуальной свободы, если и когда воинствующий индивидуализм противоречит интересам большинства.

Я не буду говорить об адекватности ценностных посылок марксизма, поскольку любые суждения ценности не поддаются гносеологической апробации. Они могут быть общезначимыми и даже общеобязательными, но они не могут быть объективно истинными и объективно ложными. Людей, несогласных с этим утверждением, я приглашаю найти однозначно истинный ответ на вопрос о допустимости абортов, смертной казни или эвтаназии.

Иначе обстоит дело с **рефлексивной компонентой** учения Маркса, которая основана на суждениях истины и представляет собой научный анализ общественной жизни людей, рассмотренной в ее целостности, всеобщности и исторических типах осуществления. Это исследование осуществляется Марксом на **трех уровнях - социально-философском, общесоциологическом и историко-типологическом** - которые связаны между собой отношениями перехода от мыслительно абстрактного к мыслительно конкретному.

Я убежден в том, что социально-философские и общесоциологические идеи Маркса актуальны для современной науки - при условии их корректного понимания, не искажающего позицию автора. Другое дело некоторые философско-исторические идеи Маркса, которые, на мой взгляд, нуждаются в коррекции.

Начнем с самого абстрактного **социально-философского анализа**, объектом рассмотрения которого является одна из подсистем окружающего и охватывающего нас мир – надорганическая социальная реальность (социальная форма движения), создаваемая деятельностью родового человека. Деятельность рассматривается Марксом как способ существования (образ жизни) общественного человека и субстанция

общественной жизни, порождающая “из себя и для себя” все ее многообразие.

Специфику деятельности, ее отличие от природных процессов Маркс связывает с особенностями ее информационного обеспечения и адаптивной организации.

В первом случае речь идет о наличии абстрактно-логического вербально-понятийного **мышления**, которое порождает целый ряд уникальных индивидуальных и коллективных особенностей человеческого образа жизни, включая сюда **свободу воли** (способность выбирать поведенческие реакции на безальтернативные влечения), **культуру** как совокупность символических программ мышления и чувствования, особый тип **солидаристских интеракций** и др.

Во втором случае мы имеем дело с особым типом активного приспособления к среде, связанным с **орудийным отношением** к ней. Маркс рассматривает человека как предметное существо, способное создавать, хранить и многократно использовать средства труда, отличные от органов собственного тела.

Вопрос о субординационной связи между мышлением и орудийностью Маркс специально не рассматривал. Это сделал Ф.Энгельс, считавший, что необходимым и достаточным признаком человека является не мышление, а орудийность, с чем я лично не согласен.

Центральной проблемой социально-философской доктрины Маркса, ее “основным вопросом” стал вопрос о роли сознания в деятельности людей. Маркс исходит из убеждения, что сознательный характер деятельности, колоссальная роль сознания в ее осуществлении не исключает наличия в ней имманентных **законов** – повторяющихся, объективных и необходимых связей, которые определяют ход социальных событий, но не предопределяют его. В этом плане детерминистическая позиция Маркса радикально отличается от позиции волюнтаристической и фаталистической (позиции историцизма, которую приписывал Марксу

К.Поппер).

Первоисточником объективных законов общественной жизни, по Марксу, являются не имманентные законы сознания, а **материальные** факторы деятельности, существующие до сознания, вне сознания, независимо от сознания и определяющие его содержание.

Я высоко оцениваю эту идею Маркса при одном условии – правильной локализации материального, идеального и реального в деятельности людей. Важно понимать, что материалистическая презумпция становится незащитимой, если фактором, отличным от сознания и детерминирующим его, считают вещественные компоненты социальности или процесс производства вещей (материальное производство) или особый тип общественных отношений, которые, словами В.И. Ленина, складываются, “не проходя через сознание” и независимо от воли людей).

Я убежден, что критериям материального в деятельности людей соответствуют лишь **потребности** социального субъекта, представляющие собой свойство последнего испытывать надобность в том, без чего невозможно сохранение факта жизни и поддержание ее качества. Именно потребности, словами Маркса, “насилуют” человека, именно от потребностей, а не от мышления, как утверждал Ф.Энгельс, должно отталкиваться научное объяснение человеческих действий.

На втором – **общесоциологическом** – уровне анализа объектом рассмотрения Маркса выступает уже не социальная реальность как таковая, а **общество** как организационная форма ее существования. Маркс трактует его как самодостаточную группу людей, способных производить и воспроизводить все условия своего существования, в том числе формировать людей как социальных существ. Так понятое общество Маркс рассматривает как систему органического типа, анализируя ее в трех взаимосвязанных аспектах – **структурном, интегративном и динамическом**.

Задачей структурного анализа является выделение и классификация частей – подсистем, компонентов и элементов – образующих общество. Выдающимся вкладом Маркса в структурный анализ общества я считаю **концепцию всеобщего производства**, в рамках которой выделяются четыре типа производственной деятельности людей, обеспечивающие самостоятельное существование. Эти типы производства создают необходимые элементы социальной ткани (вещные, организационные, субъектные и информационные) и становятся основой четырех **подсистем** любого и всякого общества, именуемых сферами общественной жизни.

Речь идет о: 1) **сфере хозяйства**, в рамках которой люди создают вещные элементы социальности – предметы практического назначения, с помощью которых физически изменяют природную и социальную среду существования; 2) **организационной сфере**, задачей которой является создание и регуляция “форм общения” людей - связей и отношений между ними (частью такой организационной сферы является политика как вид социального управления); 3) **социальной сфере**, выступающей как сфера производства субъектных элементов социальности, “непосредственной человеческой жизни”; 4) **духовной сфере**, в рамках которой создаются информационные элементы социальности – знаково-символические объекты, с помощью которых люди изменяют не сам мир, а свое представление о мире, программируют и координируют свои цели.

В рамках каждой из этих подсистем Маркс выделял ключевые **компоненты** общества, в роли которых выступают **уклады** общественной жизни – **экономический** уклад, в основе которого лежат отношения по распределению предметного богатства; **социальный** уклад, представляющий собой групповую инфраструктуру общества (“распределение людей” по ролевым и статусным социальным группам); **политический** уклад (распределение властных полномочий в стратифицированном обществе); наконец, **духовный** уклад

(“распределение идей”, образующих доминирующую ментальность в группах, ведущих разный образ жизни).

К сожалению, “социальная статика” Маркса неверно понимается многими его последователями, что приводит к ошибочным трактовкам структурной организации общества. К числу самых серьезных ошибок можно отнести отождествление сферы материального производства с экономическим укладом общественной жизни, выступающим не как самостоятельная подсистема общества, а как инфраструктурный компонент любой из четырех подсистем. Столь же ошибочным является смешение социального, политического и духовного **укладов** общественной жизни с одноименными **подсистемами** общества и др.

Избежав подобных ошибок, мы получаем прекрасно работающую структурную модель общества, которая является основой его дальнейшего **интегративного** анализа. Задачей этого анализа является обнаружение устойчивых зависимостей между организационно выделенными частями, образующими общество.

Маркс решал эту проблему с позиций социологического **монизма**, признающего наличие не только координационных, но и **субординационных** зависимостей между подсистемами, компонентами и элементами общества. Важнейшими из них можно считать: 1) субординационная связь между практическим и духовным типами деятельности; 2) субординационная связь между материальным производством и отличными от него формами социальной практики; 3) субординационная связь между экономическим укладом общественной жизни, который возникает в процессе разделения труда и распределения его условий и продуктов, и надстраивающимися над ним социальным, политическим и духовным укладами общественной жизни (речь идет о субординационной связи между распределением вещей, распределением людей, распределением полномочий и распределением идей в социально неоднородном обществе).

Я убежден, что эти идеи сохраняют свою актуальность для современной науки – опять-таки при условии их аутентичной интерпретации. Часто они предстают в упрощенном, окарикатуренном виде, что дает повод для критики Маркса, хотя во многих случаях объектом критики являются дурные пересказы марксовых идей, искажающие их суть.

Примером такой критики служит заочная полемика с Марксом, которую вел известный социолог Питирим Александрович Сорокин. В частности, Сорокин полагал, что идея детерминационного воздействия практики на духовную активность людей противоречит не только диалектике Маркса, основанной на принципе самодвижения органических систем, но и марксовской концепции производительных сил, ключевой компонент которых – техника – выступает как «овеществленная сила знания». Сорокин критиковал тезис об определяющей роли материального производства, считая его противоречащим концепции всеобщего производства, все виды которого необходимы для самодостаточного существования людей. Сорокин оспаривал тезис о системообразующей роли экономического базиса, рассматривая экономику как производное от доминирующего в обществе типа культуры и т.д.

Я убежден, что эта критика бьет мимо цели, поскольку основана на искажении или упрощении собственных идей Маркса, который никогда не лишал духовную деятельность способности к самодвижению², считая детерминацию со стороны практики воздействием «смещающего», а не «толкающего» типа. Маркс вполне признавал функциональную роль науки, которая «везет» материальное производство, что не мешает последнему держать возжи в своих руках. Рассуждая о роли материального производства Маркс имел в виду не необходимость его продуктов, а их «первую необходимость», связанную с функцией

² Лишь в ранних работах Маркса мы находим неосторожные утверждения об идеях, «не имеющих собственной истории».

жизнеобеспечения, поддержания факта жизни, а не ее качества. Наконец, Маркс никогда не смешивал вопрос об институциональной роли экономики, фундирующей социальный уклад, т.е. групповую (классовую) инфраструктуру общества, с вопросом о роли экономических мотивов в проведении конкретных людей.

Еще один блок общесоциологических идей К.Маркса связан с проблемами «социальной динамики» или с динамическим аспектом анализа общества, ищущего ответ на вопрос: почему и как оно изменяется. И в этом разделе науки Маркс сформулировал ряд глубоких идей, сохраняющих свою актуальность. Речь идет об идее возрастания человеческих потребностей, которая фиксирует наиболее глубокую причину общественных изменений; об идее соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил, которая раскрывает универсальный механизм социальных трансформаций (в частности, объясняет причины распада «реального социализма», в котором дурные производственные отношения, не создававшие стимулов к труду, тормозили развитие производительных сил). Сохраняют свою силу многие идеи Маркса, связанные с анализом эволюционных и революционных форм общественного изменения, суждения Маркса о противоречивой природе и критериях общественного прогресса и т.д.

Таким образом, я признаю полную сохранность социально-философских и общесоциологических идей К.Маркса, образующих теоретический фундамент его доктрины. Сложнее обстоит дело с более конкретными философско-историческими идеями, ряд которых, как я уже сказал, нуждается в серьезной коррекции.

Я не собираюсь критиковать принципы формационной типологии истории, связывающей существенные сходства и различия в образе жизни людей с характером экономического базиса (эта идея кажется мне вполне работоспособной, хотя она не исключает иного подхода к типологии, фиксирующего типологическую роль культуры). Критику вызывает,

главным образом, понимание Марксом современного ему капиталистического общества и прогнозы на его будущее.

И вновь, у меня не вызывает сомнений классовая теория Маркса, полагавшего, что люди, занимающие разное место в системе общественного производства, имеют разнонаправленные интересы, вызывающие острые конфликты и классовую борьбу между ними.

При этом Маркс прекрасно понимал, что конфликт конфликту рознь. Он может иметь форму **конфликтного взаимодействия**, при котором конфликтующие группы взаимно нуждаются друг в друге, что создает область объективно общих интересов, имеющих приоритет над интересами противоположными. И он может иметь форму **конфликтного противодействия или антагонизма**, при котором интересы конфликтующих сторон взаимно исключают друг друга (т.н. «игра с нулевой суммой»).

Маркс справедливо полагал, что антагонистическое противодействие социальных групп возникает в ситуации, когда классовое общество исчерпывает свой жизненный ресурс и вступает в фазу распада (как это произошло с феодальным строем в Европе). Ошибка состояла в убеждении Маркса, что современное ему капиталистическое общество уже вступило в эту фазу. По сути Маркс принял родовые муки нарождающегося цивилизованного капитализма за его агонию.

В основе такой трактовки лежала ошибочная оценка современной Марксу буржуазии, которая, по его убеждению, исчерпала свою историческую роль, превратившись в класс-паразит. Маркс пришел к этому выводу, абсолютизирував одну из тенденций развития европейского капитализма, связанную с появлением т.н. «экономики рантье», в которой собственники средств производства, сохранявшие свой статус в системе распределения, выключались из управления производственным процессом, поручая его высокооплачиваемым управленцам.

Исторический прогноз Маркса оказался не точным не только в

отношении буржуазии, но и в отношении промышленного пролетариата, на который возлагалась задача революционного переустройства общества. Не подтвердились суждения Маркса о численном росте этого класса, его абсолютном обнищании и пр.

Конечно, класс наемных работников, продающих свою рабочую силу собственникам средств производства, никуда не исчез в современной истории. Однако его качественный состав изменился самым существенным образом, что связано с дисперсией производственно-экономических отношений собственности, вырвавшихся за пределы материального производства (где они первоначально возникли) и утвердившихся в других сферах общественной жизни, где ранее отсутствовала социальная диспозиция «капиталист – наемный работник». Я полагаю, что наемные работники в сфере современного образования, науки, медицины, искусства и пр., сохраняют формальный статус «рабочего класса», их экономические интересы конфликтны интересам работодателей (о чем свидетельствуют нередкие забастовки преподавателей, профессиональных спортсменов, полицейских и даже голливудских сценаристов). Ясно, однако, что образ жизни подобных работников (характер их труда, уровень их доходов, тип ментальности, включающий в себя склонность к революционному переустройству общества и пр.) существенно отличается от образа жизни марксова пролетариата.

Таким образом, можно утверждать, что Маркс переоценил негативные тенденции в развитии современного ему капитализма, сочтя их главным трендом, ставящим в повестку дня революционное переустройство общества, связанное с ликвидацией парцеллярной частной собственности на решающие средства производства. Последующий ход истории раскрыл ошибочность этой идеи, доказал, что буржуазный способ производства в обозримой перспективе сохраняет свою эффективность, которой не оказалось у советского общества, основанного на

государственной (а не общенародной) собственности на средства производства.

Впрочем, я не стал бы возлагать на Маркса ответственность за неудачу советского эксперимента, поскольку немецкий мыслитель не верил в способность полуфеодальных обществ самостоятельно построить социализм, отличный от политарных форм общественной организации - того самого «азиатского способа производства», который описал Маркс и который возродился в XX веке на промышленной, а не сельскохозяйственной основе.